

ВИНОКУР Т. Г.

ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ И ЯЗЫКОВОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ

1. Содержание статьи одноязычного толкового словаря дает один из наиболее показательных примеров несоответствия в информативном объеме собственно семантической части и части, характеризующей употребление слова. В самом общем виде это можно объяснить разной степенью близости значения слова и его употребления к социальной оценке коммуникативной роли выразительных средств родного языка¹, благодаря чему в современном языкознании достаточно четко определилась мысль о наличии в словаре названного типа двух разных объектов описания соответственно двум разным реальностям. Один объект описания и одна реальность — это слово как единица лексико-семантической системы языка; другой объект и другая реальность — это слово на службе употребления языка (являющаяся собой результат — т. е. конечный продукт — стилистического отбора).

Многие исследователи склонны квалифицировать это положение как «антиномию одноязычной лексикографии» и признавать «фундаментальный характер» различий между двумя данными объектами, требующими различных же способов описания: а) при помощи строгих правил, соответствующих компоненту лингвистической модели, и б) при помощи социально-культурных ассоциаций. Необходимость соединения этих способов есть объективная причина «метасемиотической природы» словарной статьи, что, в свою очередь, ведет к непоследовательности в отражении связей семантических систем с системами культурного и мировоззренческого порядка, организующими тексты, которые производит данный социум [4].

Действительно, современный одноязычный толковый словарь, как в отечественной, так и в зарубежной лексикографической практике, стремясь в идеале к максимальному охвату обеих реальностей, осуществляет это стремление с ущербом, по крайней мере, для одного из упомянутых объектов. Им оказывается, как правило, употребление слова, поскольку толковый словарь — предприятие преимущественно семантическое. Следовательно, характер антиномии здесь приобретает, скорее, исполнительская сторона дела, как она решается авторами тех или иных словарей, нежели категориальная. В зависимое положение второй объект попадает не потому, что не поддается «строгому» описанию, а потому, что у его системности существуют иные, хотя, может быть, не менее строгие, правила. Они могут быть корректно сформулированы с социо-коммуникативно-стилистических позиций, представляющих собой феномен прагматического плана, второстепенного по отношению к семантической структуре слова и имеющего коннотативный статус.

Нет спора, что такие правила еще не выработаны. Традиция составления одноязычных толковых словарей предусматривает границу, которая, отделяя первостепенные информационные нужды текста статьи от второстепенных, пролегает между значением и сознанием — социально-коммуникативной коннотацией. Условность этой границы очевидна, так как сформировавшееся на основе множественных употреблений, значение слова поступает в распоряжение того же употребления, получив узкую коннотацию — сознание (непрерывную линию этой связи, в ее пря-

¹ Ср. один из принципов, касающийся системы стилистических помет, выдвинутый Н. Ю. Шведовой в предисловии к 9-му изданию словаря С. И. Ожегова (М., 1981): «Помета „неодобрительное“ сохранена только там, где окраска неодобрительности относится к самому слову, но не к социальной оценке называемого им явления, понятия» (с. 7).

мых и «обратных» участках, можно изобразить следующим образом: УПОТРЕБЛЕНИЕ → значение → СОЗНАНИЕ → употребление².

Однако «непротивленческий» смысл самого термина «антиномия» и служит свидетельством объективно сложившейся картины взаимодополняющих отношений этих двух реальностей, без отражения которой статья толкового словаря не может считаться самодостаточной. Рамки коннотативных сведений зависят от принципов составления словника и от нормативной позиции данного словаря. Ввиду неудержимого роста как общелитературного, так и специального лексического состава современных языков лексикология и лексикография постоянно сталкиваются с вопросом о том, что же отражает (может, должен отражать) толковый словарь — общий лексический состав языка или состав «узуальных подязыков»³.

Нормативно-толковые словари, какими являются современные СУ и СО, толковые словари типа БАС и МАС⁴, имеют меньшие возможности показать всесторонне реальные черты современного словоупотребления определенной эпохи, чем это мог бы сделать, предположим, словарь тезаурусного типа. Но, в то же время, как раз для таких словарей (в рамках отобранного словника) сведения об употреблении жизненно более важны, так как без нормализаторско-кодифицирующей деятельности, без культурно-речевых предписаний они не выполняют своего общественного назначения. И вот это противоречие есть, по всей вероятности, наиболее актуальное и, без сомнения, трудно разрешимое для новейшей одноязычной лексикографии, тем более, что во многих областях лингвистической теории вопросы взаимоотношения значения и употребления слова решаются на уровне новых понятий семантики и прагматики.

Появление категорий «прагматическое значение», «стилистическое значение» способствует методологическому упорядочению явлений системы и узуса и, в частности, дает возможность объединить под общей «социокоммуникативной шапкой» центральные закономерности употребления языка. Ставить или не ставить знак равенства между ними и тем, что в терминах стилистики теперь определяют как *узуально-стилистические закономерности*, для настоящего случая значимо лишь в одном из многих обсуждаемых аспектов: ограниченности (специализации) или всеобщности употребления языка. С этой точки зрения «определение стиля как частной системы языка, категории, определяемой функциями языка, представляется наиболее близким к его адекватному пониманию» [3, с. 53]. Термин же «стилистическое значение», уточняющий текстообразующую роль этих функций в коммуникативном процессе, т. е. порождение ими разных классов экспрессивно-социальной коннотации⁵, призван показать, что семантика попадает в коммуникацию через стилистику, дефиниции которой трактуются как узуальные. Отсутствие или наличие стилистического значения у слова (гипермаркированность или маркированность, по Ю. М. Скребневу) — это нулевой или положительный признак того же (узуально-стилистического) уровня.

2. Не обсуждая в настоящий момент системные качества и противоречивость стилистической терминологии вообще и не затрагивая в полном объеме вопрос о неудовлетворительном обслуживании ею толкового словаря [3, с. 85—91], следует коснуться лишь некоторых обозначений. В большинстве толковых словарей проводится оппозиция «стилистические и др.» пометы. При этом под «др.» попадают или пометы *спец.*, *устар.*, *обл.* и пр., или за пределы собственно стилистических выводится и проти-

² Ср. термин «распространительное употребление» в предисловии к 17-тому «Словарю современного русского языка».

³ Так, Дж. Филмор на примере «юридического языка» рассматривает специализацию значений и ставит вопрос о мере, в какой можно ее учитывать в общелитературных словарях (см. [2]).

⁴ Далее в статье такими сокращениями обозначаются Толковый словарь под ред. Д. Н. Ушакова (СУ), Словарь С. И. Ожегова (СО), Большой и Малый академические словари (БАС и МАС). По мере надобности указываются цифры 9-е изд. Словаря С. И. Ожегова (СО₉) и 2-е изд. МАС (МАС₂).

⁵ Понимание экспрессии как свойства именно употребления языка находится у истоков лингвостилистической теории (см. [4]).

вположный фланг — экспрессивная (эмотивная) оценочность, что в какой-то мере объединяет эти, прямо не связанные, противоположности. Поэтому система «стилистические и др.» (называемая или подразумеваемая) вряд ли способствует адекватному описанию коммуникативной специализации слова, определяемой функциями языка, хотя как будто предназначена именно для этой цели. Возникшая в связи со сложностью включения в литературно-нормативный словник необходимого минимума разных по происхождению участков лексико-семантической периферии, она невольно сместила акценты их генетических свойств, что, естественно, привело к непоследовательному распределению их узуальных признаков.

Ср., например, меняющийся от словаря к словарю принцип подачи этих признаков у слов, эмотивная или эмотивно-оценочная коннотация которых является составным элементом их семантической структуры: **хлюпик** (СУ — простор., пренебр., бран; СО — прост., пренебр.; СО₉ — прост.; МАС₂ — прост.); **рохля** (СУ — разг., пренебр.; СО — разг., пренебр.; СО₉ — разг.; МАС₂ — разг., пренебр.); **зарапортоваться** (СУ и СО — разг., ирон.; МАС — разг.). Здесь мы сталкиваемся с намерением или отразить только функциональное ограничение, и тогда породившая его эмотивная (в настоящих примерах — пейоративная) оценочность остается не зарегистрированной; или же представить и то и другое, но без указания на связующие причинно-следственные отношения (эта информация в словарях отсутствует, хотя могла бы быть обозначена порядком следования членов составной пометы). Однако и двучленная помета не получает окончательного выхода в сферу употребления, для чего необходимо еще одно — коммуникативное — звено.

Если авторы словаря все же видят в нем необходимость, то возникает достаточно громоздкая (трех- или четырехчленная) помета; ср. **хлюпик** в СУ, где функциональный и эмоциональный ограничители проинципательно выводятся на «узуальную прямую» — *бран.*, или **зараза** в МАС, когда ко второму значению, снабженному двойной пометой *груб., прост.*, присовокупляется специальное предостережение «употребляется как бранное слово».

Наиболее короткий путь к узуальной прямой, конечно, демонстрируют пометы у слов с тем типом стилистического значения, который непосредственно порожден функциональными ограничениями, явившимися, в свою очередь, причиной приобретения словом эмотивного или эмотивно-оценочного компонента и, следовательно, добавочной экспрессии (*зелеречивый, спроваживать, инсинуация*). Но их узуально-справочный аппарат также неустойчив, и, главным образом, потому, что стремление составителей найти наиболее экономные способы увеличения объема стилистической информации не позволяет уделять специального внимания внутренней иерархии компонентов стилистического значения.

Между тем, важно отметить, что, с точки зрения общих закономерностей словоупотребления, функционально-стилистические пометы *книжн., разг., прост.* ничем не отличаются от помет *спец., устар., обл.* Служа обозначению ограниченности (и, следовательно, предпочтительности или регулярности использования слов в определенных коммуникативно-речевых сферах), они составляют вместе с последними единый ряд социально-дифференцирующих коннотаций соответственно пониманию стиля как социального диалекта. Их узуально-коммуникативный приоритет вызывает мысль о специфическом круге стилистических характеристик, достойных большей самостоятельности как предмет словарного описания, в то время как пометы эмотивного генезиса, наоборот, будучи возведенными в ранг оттенка значения, разгрузили бы узуально-справочную номенклатуру. Ее задача по отношению к коммуникативному плану и без этого остается сложной, потому что, как показывают тексты статей в толковом словаре, в ней чрезвычайно зыбким оказывается порог, который отделяет общую узуально-коммуникативную направленность слова в ее двухместной характеристике (экспрессивной — *высок., сниж.* и функционально-обособляющей — *книжн., разг., прост.*, пересекающихся в общем нейтральном

звене) от целеустремленного стилистического приема (*ирон.*, *фам.*, *торжеств.*).

Этот второй слой фактически выходит за пределы устойчивых коннотаций и содержит намек на контекстуальную вариативность. Так, помета *ирон.* к *велеречивый* дается в СУ, СО и БАС как возможность. В МАС она вообще отсутствует. Принцип же регистрации контекстных приращений не согласуется с задачами толкового словаря, тем более, что эти приращения могут быть поняты по-разному. Так, помета, например, *пренебр.* тоже способна отражать регулярную возможность использования слова *велеречивый* («Уж очень он велеречивый» — вовсе не обязательно *ирон.*) в определенных контекстах. Но такое указание было бы равно требованию классифицировать контексты, т. е., например, к слову *лакействовать* давать не только помету *пренебр. (презрит.)*, но и «преимущественно в литературно-публицистических текстах»⁶, чего мы не вправе ожидать (как регулярного пункта в составе помет) от существующего образца словарной статьи.

Следовательно, мы можем констатировать, что: 1) этот образец — одна из наименее удобных форм для широкого отражения закономерностей языкового употребления; 2) реальные условия существования слова (важность которых для словарной статьи подчеркивал Л. В. Щерба) получают в таком тексте несимметричный и иногда противоречивый комментарий; 3) достичь информативного равновесия между основным корпусом словарного текста и узуально-стилистической пометой невозможно без ломки традиции, что заставило бы думать о создании словаря какого-то иного типа.

3. Любые попытки усовершенствовать словарную статью приводят к изменению ее структуры и формулировок по сравнению с другими словарями и предшествующими изданиями. Можно с уверенностью сказать, что большинство таких изменений, включая пополнение или сужение словника и состава помет, связано с реальными процессами развития языка лишь опосредованно — через необходимость развития теории и практики лексикографии, хотя в предисловиях и инструкциях к словарям обычно утверждается обратное. Несомненно, что появление новых значений и их оттенков в словарях общенормативного типа в большей степени свидетельствует не об их реальном возникновении, а об изменении принципов составления словаря, что, впрочем, и не может быть иначе.

Сходное положение с пометами на первый взгляд покажется странным. Тем не менее, мы далеко не всегда имеем дело с непосредственной регистрацией реальных сдвигов в употреблении стилистически дифференцированных единиц лексики, несмотря на то, что социальные установки в этой области действительно подвергаются изменениям в рамках микроистории и что поэтому соответствующий участок словарной информации активно сопротивляется стабилизирующим терминологическим правилам. Если помета *разг.*, *фам.* в СУ соответствует пометам *разг.* или *прост.* в более поздних словарях, то, скорее, здесь идет речь об изменении системы помет, чем об ином осознании функционально-экспрессивных границ слова носителями языка и необходимости его отражения в словаре. Во всяком случае отличить одно от другого представляется часто затруднительным. Ср.: *лизунья* (СУ — *разг.*, *фам.*, *неодобр.*; БАС и МАС — *прост.*); *красотка* (СУ — *простореч.*, с добавлением для второго значения — «возлюбленная» — *фам.*; СО — *прост.*, в БАС пометы нет, МАС — *разг.*). Перечень подобных соответствий показал бы отсутствие в них равной последовательности (т. е. не всюду *разг.*, *фам.* в СУ равен *прост.* в МАС), что опять-таки обусловлено «сопротивлением материала».

Но, помимо этого, для системы помет весьма существенно наложение на подобные, т. е. внешние по отношению к самим языковым изменениям, причины, в виде задач и установок, диктуемых временем и, значит, общественной ситуацией. Так, более широкий репертуар помет и сложная система их внутреннего взаимодействия в СУ являются прямым следствием так на-

⁶ См. слово *угодничать* в [5].

ываемого социального заказа: словарь обострил нормализаторские задачи, которые должны были выполнять одновременно и функцию «борьбы» за чистоту языка и функцию его обновления. Благодаря этому значительный круг функциональных помет (рождающих в реальном употреблении насыщенную экспрессивно-социальную коннотацию) свидетельствует об изменении отношения и к явлениям действительности, и к словам, их обозначающим, и к языковой политике общества в целом. Стилистическая значимость слов многопланово дифференцировалась (см. [6]), и этим создавалась внушительная панорама социально окрашенного употребления той эпохи, объективную историческую роль которой трудно переоценить. В связи с этим функциональные пометы типа *нов.*, *историч.*, *загранич.*, *политич.*, *экономич.*, *дореволюц.*, *церк.*, так же, как большое количество узкоспециализированных профессиональных помет (*мат.*, *анатом.*, *тех.*, *газет.*, *театр.*), выглядели в СУ не менее яркими и разнообразными, чем экспрессивные ⁷.

Однако их дальнейшая судьба не имеет параллелей с микроисторической судьбой самих слов этого семантического круга. Особенно характерно то обстоятельство, что слова, имеющие помету *нов.*, вообще исчезают в последующие периоды развития словарного состава из активного употребления (ср. *дворохозяйство* — *нов.*, *эконом.*). В других же случаях неактуальными оказываются сами пометы. Ср. слова того же гнезда: *дворянство* (*дореволюц.*, *загран.* к значению «дворяне какой-нибудь местности»); *дворян* (*историч.*); *дворцовый* (*историч.*, *политич.* — к сочетанию *дворцовый переворот*). Здесь помета уходит вместе со словом как обозначающим не реалии, а социологического понятия, содержащего у к а з а н и е н а е г о о ц е н к у г о в о р я щ и м к о л л е к т и в о м т о г о времени (или предписывающего эту оценку). Показательно, что новые слова предметной семантики (*универмаг*, *орденоносец*) претерпевают естественное диахроническое развитие — теряют помету *нов.*

Таким образом, историко-социологическое наслоение, подчиняя себе систему помет, делает еще более призрачной возможность адекватного описания значения и употребления слова — с диахронической точки зрения. Нарушаемая им терминологическая преемственность этой части словарной статьи ⁸ не позволяет провести непрерывную узואльно-диахроническую линию и объективно связать внутриязыковое и социально обусловленное развитие словарного состава конкретной исторической эпохи. Следовательно, закономерности употребления генетически разных, но функционально сходных стилистических классов слов, которые не отражают непосредственно каких-либо семантических изменений, могут получать произвольную интерпретацию. Ср. слово *сходка* (СУ не имеет помет; в СО — *устар.*, в СО₉ — *устар.*, *теперь неодобр.*, МАС₂ — опять не имеет помет). Пометы даны к значению «соборание» и, с одной стороны, никак не могут соответствовать реальному положению вещей, т. е. временному «омолаживанию» слова и возникновению на каком-то этапе его использования пейоративной оценки, затем вновь исчезнувшей. Тем более, что примеры СО₉ — *сходки студентов* и *сходки нацистов* — иллюстрируют сразу, как и полагается, обе пометы. Но готовившийся одновременно к печати с СО₉ МАС₂, где в примерах фигурируют *сходки революционеров, рабочих и членов сельской общины*, эту помету не подтверждает. С другой стороны — постепенное устаревание слова, принадлежащего к подобному семантическому полю, — процесс реальный, и до выхода в свет МАС₂ изме-

⁷ Ср. замечание Д. Н. Шмелева о многообразии экспрессивно-стилистических регистров лексики современного русского языка по сравнению с функциональным рядом [3, с. 89].

⁸ В предисловии к СО₉ говорится о полном сохранении системы (разрядка наша. — В. Т.) помет по сравнению с предыдущими изданиями и в то же время о пересмотре их «в направлении большей унификации и приближения к норме», что, видимо, не может оставить в неприкосновенности и самое систему помет. В МАС₂ упоминается о некоторых дополнениях, внесенных в стилистическую характеристику слов, и расширении количества помет, указывающих на экспрессивно-эмоциональную оценку, что также, естественным образом, обуславливает появление в словаре новых помет.

нению пометы от СУ до СО, могла бы быть обеспечена прямолинейная трактовка. С третьей стороны, если оценочные пометы сохраняются только там, где они относятся к самим словам, «а не к их социальной оценке», то слово *сходка* вряд ли имеет таковую, о чем опять-таки свидетельствуют указанные примеры.

Совершенно ясно, что установки, действующие при составлении или переиздании словаря и сами имеющие «обратную связь», способны брать верх не только над реальной историей стилистически значимого словоупотребления, но и над логикой его диахронического движения в принципе. В то же время не менее ясно, что совершенствование содержания словарной статьи иным путем идти не может и что это происходит отчасти потому, что мысленному взору лексикографов открывается в этом случае двухмерная (макро- и микроисторическая) картина лексических перемещений. Крупному плану семантики на ней соответствует узואльно-стилистическая диахрония отдельных участков системы⁹, неоднозначно фиксируемая словарями, в зависимости от внешних по отношению к ней факторов. Кроме того, развитие лексики, поэтапно отражаемое, например, в соответствующих изданиях СО, даже при том, что максимальное приближение к современности является одной из его основных задач, сопровождается сокращением общего числа помет по сравнению с СУ, что обуславливается другой, и не менее важной, задачей — общедоступности, демократизации нормы и связано с сокращением словника (см. [17]). Но к пометам СУ и СО не возвращаются ни БАС, ни МАС. Время ставит перед ними новые задачи — полноту охвата русской лексики, которая способствует глубокому пониманию русской классической литературы, и эти задачи связываются авторами словаря с необходимостью изменения, а не продолжения традиций в системе помет.

4. Микроистория дает иную картину соотношения системы и узуса, чем макроистория. Здесь живы и актуальны связующие диахронические звенья между десятилетиями и даже более короткими отрезками времени. Микроисторическую чувствительность закономерностей узואльно-стилистического словоупотребления и сложность ее адекватного отражения в толковом словаре окончательно подтвердила «неология». Представляется, что, несмотря на название, словари-справочники «Новых слов и значений» дают прежде всего картину с о в р е м е н н о г о у п о т р е б л е н и я слов широкого стилистического диапазона и что процесс их «вхождения», как его понимают составители, имеет в известной степени формальный характер.

Нужно также заметить, что неология, безмерно обогатив современную лексикографию фактами, вызвала еще большее брожение в ее теории — главным образом в той части, которая непосредственно касается системно-узואльных отношений. Для закономерностей стилистического узуса, в рамках которого сама по себе н о в и з н а (слова, его значения, условий его использования) — есть мощный стилеобразующий фактор, особенно существенно то, что неологические словники почти целиком состоят не из нейтральных, а функционально-ограниченных слов. Эти слова принадлежат разным сферам, объединенным, однако, одним общим признаком — лексико-семантической подвижностью. Поэтому в них активно проявляются стилистические последствия, «произрастают» экспрессивные коннотации, без которых не осуществляется языковое употребление в целом. Отсутствие диахронической ретроспективы, традиционно необходимой для установления и описания семантической структуры слова, позволяет лексикографам-неологам непредвзято подойти к языковой жизни общества. И потому в поле их зрения попадают факты пограничные, еще не обработанные лексикографией, не отстоявшиеся в лексико-семантической системе языка. Их можно квалифицировать как словоупотребление с еще не

⁹ Например, макроисторическое изменение значения слова *психический*, отражаемое в МАС как расщепление значений (1-е значение помечено *устар.*). Ср. еще: «Зачем эти подзаголовки? *Психический* этюд, жанр, новелла? Все это одни претензии» (А. И. Куприн, Памяти Чехова) — со стилистическим диапазоном его нынешнего употребления от медицинского термина до просторечия.

законченным процессом формирования стилистического значения, которое впоследствии приведет к большей семантической определенности.

Так, в словаре-справочнике «Новые слова и значения» (М., 1984; далее — Словарь) дано слово *занудство* (с. 226) с пометой *в разг. речи*. Две иллюстрации, одна из которых является примером художественной стилизации разговорной речи, т. е. «отраженного» употребления (что снижает достоверность пометы), а вторая — из публицистического текста, — этой характеристики не подтверждают. К тому же можно привести примеры из той же публицистики, демонстрирующие скорее образчики «специальной» (по терминологии Д. Н. Шмелева) речи: «Специалисты утверждают, что на благополучии семьи могут отрицательно сказаться и наши дурные привычки. Например, *занудство* — его никак не назовешь качеством нашей натуры. Это порок приобретенный. Так же, кстати, как неопрятность, неумение слушать собеседника...» (Неделя, 1985, № 22). Здесь это слово как бы пытается «просочиться» в нейтрально-литературный ряд и, может быть, с претензией на некую терминологичность, чему способствует грамматическое значение суффикса, которое при словопроизводстве в сниженной нелитературной сфере не теряет способности несколько «повысить» эту форму относительно производящей. Однако интенсивность стилистического значения последней (ср. пометы к слову *зануда* в МАС₂) — *прост.*, *груб.*, *презрит.* и *бран.*) пока что не позволяет мириться с выходом слова *занудство* за пределы грубовато-фамильярного, жаргонизированного речевого общения. В то же время, при демократичности современных нормативных ограничений в сфере лексики, его дальнейшая судьба не столь уж однозначна, а от нее зависит окончательное оформление семантической структуры слова. Ср. семантико-стилистические «зигзаги» слова *выдворить*, один из оттенков значения которого одновременно приобрел узуальный характер публицистически-политического термина и возможность стать ядром прощического приема [СУ к единственному значению «выселить кого-нибудь из помещения в административном порядке» дает помету *офиц., устар., теперь ирон.*; СО к единственному же значению «выселить» (с 1949 г. по 1981 г.) меняет пометы — *разг.* на *прост.*, а затем вовсе снимает помету; МАС₂ дает три оттенка значения, два из которых помечены *разг.*]; или слово *переиграть*, получившее новые возможности употребления благодаря взаимодействию возникшего вторичного лексического значения с одним из вариантов стилистического значения, отражающего принцип разговорной экономии речевых средств (от бытового «Давай *переиграем* это дело на завтра» до газетно-публицистического: «Так делается попытка „переиграть“ результаты второй мировой войны, снова заразить молодых духом нацизма» (Словарь, с. 495).

Узуально-стилистическая квалификация максимального объема по отношению к тем слоям лексики, которым свойственна диахроническая подвижность, достоверна для каждой временной точки лишь относительно. Синхронный взгляд отмечает то, что может быть утрачено при малейшем отступлении от него. Вряд ли, например, сейчас можно точно определить круг и стилистическую специфику употребления слов, о которых Грот писал как о «принявшихся на его памяти»: *даровитый, деятель, представитель, научный, паровоз, обуславливать, сдержанность, заподозрить, почин, влиятельный* [8]. Можно лишь догадываться, что имел в виду Л. Толстой, когда в «Разговоре о науке» замечал: «Профессор был один из тех молодых ученых, которые говорят охотно: *ничего не поделаешь, развитой барин, мне живется, честно*». И можно просто охотно верить авторитетам, если Некрасов говорит, что «*ерунда* — лакейское слово, равнозначительное слову *дрянь*» (Н. А. Некрасов. Петербургские углы), а Чехов считает слова *пошлость* и *пошло* устарелыми (А. П. Чехов. Письмо к Суворину от 23 янв. 1900 г.). Но в том, что «принимается» на его глазах, исследователь, даже невольно, отмечает малейшие нюансы, свидетельствующие о семантико-стилистической неустойчивости, которая не дает возможности провести желаемую грань между значением и употреблением.

Именно поэтому неологические словники, включая самые крайние звенья маргинальных по отношению к литературно-нормированной лекси-

ке явлений, затрагивают наиболее неустойчивые в указанном смысле пласты. Ср. просторечное *мелочевка*: «мелочное, не стоящее внимания дело, занятие»; или «несущественные» для описываемой в речи ситуации, предметы: «Мы занимаемся *мелочевкой*, все дни насмарку!» и «Ну, я собрал кое-чего *по мелочевке*, лимончик там, яблок купил, а что еще в больницу...»; или жаргонное *приблатненный*, которое в Словаре трактуется как «хулиганствующий, хулиганствующего вида» (с. 553), между тем как существует и — шире — к «блатным» в значении: ловкачам, людям, живущим на нетрудовые доходы и пр. Эти слова не представляют, конечно, опасности для литературного языка, о чем мы говорили в примере со словом *застудство*. Но стилистический берег, к которому они пристанут, так или иначе имеет, ввиду отсутствия временной перспективы, еще неясные очертания. Более того, в отдельных случаях его рельеф меняется день ото дня, а сложится или не сложится происходящее изменение в узуальный факт, судить сейчас не представляется возможным. Здесь мы сталкиваемся с самыми разными явлениями вплоть до намечающейся «официально-политической» коннотации у нейтрального слова. Ср. регулярное употребление слова *озабоченность* в сочетании «выражать озабоченность чем-либо»: «3 апреля президент публично *выразил* свою озабоченность в связи с обстрелом советского представительства при ООН» (Словарь, с. 453). Слово *приземленный*, получив переносное значение, одновременно начинает активно употребляться в публицистике, литературно-критических, театрально-критических и т. п. текстах: *приземленное (заземленное) мышление, видение мира, приземленный образ* и пр.

5. Асимметрию узуально-стилистической шкалы справочного словарного аппарата можно иллюстрировать бесконечным числом примеров. Но выводы из таких иллюстраций не представят ничего иного, кроме вариаций уже отмеченных положений. Для толковых и нормативно-толковых словарей — это противоречивость внешних установок и внутренних языковых процессов, семантический приоритет, лексикографические традиции. Для неологии — это неустойчивость семантико-стилистических связей, из-за чего стилистические характеристики новых слов и значений очень скупы, хотя сам материал дает веские основания для их расширения и уточнения.

Если бы мы коснулись, в связи с неологическим материалом, наиболее широко представленного в Словаре круга слов, то увидели бы, что в настоящее время в четкой узуально-стилистической классификации особенно нуждается огромный массив терминологической и околотерминологической лексики, теснящей нейтральную во многих функционально-речевых областях. Так как современная эпоха чрезвычайно усложнила вопрос о взаимоотношениях сугубо специальной и общедоступной лексики разных профессиональных сфер, этот вопрос составляет особый ракурс упомянутой выше общей проблемы об отражении семантики «узуальных подсистем» [9]. Прежние принципы подачи этих лексических слоев не выдерживают ни количественного напора, ни активности разнонаправленного распространения слов, которые следовало бы помечать как *спец.* Поскольку раньше этот вопрос касался лексических раритетов, ограничительная система помечает, как бы она ни была задумана, вполне могла удовлетворить потребности словаря общего типа, хотя и при этом лексикографов на каждом шагу подстерегали трудности. Напомним, что, например, в задачу СУ входило объяснение принципов филологического словаря вообще, когда самый смысл «установления границ употребления слов» подвергался критике ¹⁰.

¹⁰ «Мы не хотели бы думать, что составители намеревались этим установить „черту оседлости“ для каждой группы слов (хотя формулировка „установить границы употребления слов“ звучит довольно зловеще)». И далее автор статьи с недоумением спрашивал: почему слова *внутрисоюзный, добровольчество* — газетные? Разве их нельзя употреблять и не в газете? Почему *затребовать* и *авансовый* — канцелярские? Их можно употреблять всюду... и т. п. Тем не менее автор одновременно возмущался тем, что слово *бажистейн*, по мнению составителей словаря, означает сорт голландского сыра, тогда как «специалисты по сыроварению утверждают, что это два разных сорта» [10].

Конечно, по отношению к профессиональной лексике на каждом шагу могут возникать сомнения, подобные следующим: почему в общелитературный словник входят слова типа *ростра*, *титло*, *плеоназм*; почему у какого-нибудь из них оказывается снятой помета (МАС дает *титло* в «филологич. значении» без пометы); почему пометы при слове *лигатура* претерпевают от словаря к словарю именно такие, а не какие-нибудь другие изменения (СУ дает три значения с соответственными пометами *хим.*, *филологич.*, *мед.*, а МАС — четыре значения, два из которых помечены *спец.*, а одно — *мед.*); почему в Словаре есть статья на слова *бланиширование*, *бланишировать* и нет на *пассирование*, *пассировать*, хотя само слово *пассирование* есть в примере на *бланиширование*, и этот круг заимствованных кулинарных терминов начиная с 50-х гг. заметно активизировался (т. е. употребляется не только в книгах, например, типа «О вкусной и здоровой пище», но и в кулинарных рецептах на страницах газет и журналов)¹¹?

На все эти вопросы могло бы ответить лишь унифицированное, стандартное и вместе с тем по возможности исчерпывающее описание закономерностей употребления стилистически значимых слов. Но если последние не являются самостоятельным или даже главным объектом внимания лексикографа, то сосредоточить его на реальном существовании словарного состава в языке данного времени и данной эпохи объективно невозможно.

Между тем современное состояние лексикографической практики и лингвистической теории позволяет думать о словаре языкового употребления, который можно было бы назвать узואльно-стилистическим словарем и принципы которого можно было бы развивать в двух направлениях. Первое основывается на перемене мест слагаемых по отношению к толковым словарям, когда от них отторгается вся лексика, имеющая пометы, и состав этой лексики затем пополняется сравнением материалов специальных словарей с определенным кругом источников.

Так как «помета» понятие вовсе не «экслюзивное», а, наоборот, регулярное и частотное, то объем только первого круга лексики окажется весьма внушительным¹². Поэтому особого внимания заслуживают принципы ее пополнения, главным из которых для словаря со стилистической ориентацией должен, очевидно, быть равномерный охват источников, противопоставленных по функциональным, экспрессивным и жанровым признакам. Так, Словарь не отражает реальной картины стилистически значимого употребления новой лексики потому, что в нем не используются данные устной разговорной речи.

Не менее важно в связи с разработкой принципов узואльно-стилистического словаря решить вопрос об адекватном соотношении коллективного и индивидуального начал в языковом употреблении. Используя мысль Г. О. Винокура, можно сказать, что такой словарь будет отвечать своему назначению в том случае, если он не ограничится «стилем языка», а широко отразит «стиль тех, кто говорит и пишет», т. е. коснется и категории «языковой личности», пользующейся языком по-разному в предлагаемых обстоятельствах.

¹¹ Характерно, что это касается наименований или производственных процессов в этой области или оборудования (*тостер*, *миксер* и т. п.), тогда как названия блюд, наоборот, отходят от заимствованных. Ср. любопытную заметку «Русские названия блюд в столовых» (может быть, положившую начало «исходу?»): «В Нарпит в последнее время поступил ряд заявлений рабочих о том, что меню в столовых общественного питания для них совершенно непонятны, так как подаваемые в столовых блюда носят французские, итальянские, английские и другие названия, заимствованные из иностранных языков. На этой почве происходят частые пререкания между рабочими и обслуживающим персоналом столовых. В связи с этим кулинарная комиссия Нарпита уже подобрала русские названия для блюд, особенно распространенных в столовых. Всего будет переименовано до 600 названий блюд. Список новых названий уже разослан во все столовые для ознакомления» (Вечерняя Москва, 1926, 3 дек. Пример взят из архива Г. О. Винокура).

¹² Обследование, например, буквы *Т* по СО₉ показало, что из 1203 слов, составляющих эту букву, — 589, т. е. почти половина, имеет помету, а более половины от этого числа имеет двойную помету. Обследование слов на букву *С* по СУ дало около трех четвертей статей с пометами от общего количества.

При этом еще одним принципом, заслуживающим пристального внимания, является разграничение экспрессивных результатов употребления слов в художественной и нехудожественной речи. Художественная (эстетическая, поэтическая) функция слова находит себе место в узуально-стилистическом пространстве, но не свидетельствует о специфически направленных намерениях словесного отбора, который может обнаружиться лишь в условиях многоаспектного анализа словесно-художественного творчества. Придется думать, почему, например, в узуально-стилистический словарь не войдет слово *глядеть*, если его употребить в таком контексте, в котором оно будет выражать больше, чем обозначать; ср. у Тургенева («Петр Петрович Каратаев»): «...его небольшие опухшие глазки глядели и только» (усиливается значение пассивности действия, перерастающее в изображение безвольности, лени и пр.) — с одной стороны. С другой стороны, придется думать, почему для стилистического узуса равны «Гете и Федька» в своей художественной потенции, о чем писал Л. Н. Толстой («Кому у кого учиться писать»), разбирая фразу из сочинения яснополянского мальчика *Кум надел бабу шубенку*, и почему *перетоматил* — экспрессивнее, «разговорнее» и сниженнее, чем *положил слишком много томату*.

Таким образом, в узуально-стилистическом словаре, хотя это и может на первый взгляд показаться противоречием, должен быть отведен участок для редких употреблений, окказионализмов или потенциальных слов, если в них обнаруживается нечто общее с точки зрения экспрессивно-стилистического результата.

6. Узуально-стилистическая характеристика слова в обсуждаемом словаре должна быть построена согласно разработке системы терминов, которая могла бы показать последовательную взаимозависимость компонентов стилистического значения. Если, например, слово *драить* (*выдраить, надраить*) или вовсе отсутствует в толковых словарях (СУ), или дается без пометы (МАС), или отмечается как *спец.* (СО), статья узуально-стилистического словаря должна отметить первое значение как *спец.* (*драить паруса*), переносное как *разг.*, с последующей детализацией: *грубовато-фамильярное* и с указанием на соответствующий экспрессивный эффект, в создании которого приняла участие и эмоциональность, окрасившая фамильярно-бытовую сферу речи: «Я пол так *выдраил*, закачаешься!» (как одна из возможностей).

Если объективно устаревшее слово *зодчий* стало регулярно употребляться в текстах определенной функциональной принадлежности и, тем самым, частично утратило экспрессию «высокое» (обычную для устарелых слов), став дублетом слова *архитектор*, то статья такого словаря покажет, во-первых, системное *устар.* и узуальное *высок.*; во-вторых, названные последствия: *газетно-публицистическая регулярность — нейтрализация — превращение в штамп*; в-третьих, иллюстрации, которые в этом случае должны сопровождаться диахроническим или реально-историческим комментарием. Определение же того, что такое штампованное словоупотребление (с указанием на одно непременное условие образования штампа — потерю словом какого-либо компонента стилистического значения), будет дано в предисловии к словарю.

Если, например, в словаре будет дана статья на слово *распашонка* — разговорное наименование квартиры с определенной планировкой, генетически, вероятно, ленинградское, а затем распространившееся шире — то она будет содержать: ссылку на новое значение, помету *обл.*, указание на процесс распространения, помету *разг., неофиц.* и замечание об инвертированном употреблении в официальных текстах — объявлениях об обмене жилплощади.

Эмотивность и эмотивную оценочность системного свойства, по-видимому, целесообразно в ряде случаев давать интродуктивно. Ср. предположительную структуру статьи на слово *мамочка*. 1. **Уменьшит.-ласкат.** — системный компонент стилистического значения. 2. **Стилеобразующие средства** — словообразоват. + лексикализация. 3. **Нейтрально-этикетное употребление:** *Мамочка*, ты не знаешь, где ножницы? 4. **То же**, с уси-

лением инт.-фам., преимущественно в разговоре с ребенком как выражение отношения к нему: Когда твоя *мамочка* придет? 5. Эмоциональное употребление: Моя *мамочка* — самая лучшая, самая добрая! 6. Прием иронической язвительности: Ну, вот что, дорогая *мамочка*, я уже давно стал взрослым! 7. Прием фамильярно-шутл.; устар. — в обращении мужчины к мужчине (иллюстрации из Чехова); 8. Обобщение, касающееся этикетного «звательного» в современном употреблении¹³. В других статьях на уменьшительные образования, возможно, следует дать и социально-нормативную характеристику (к употреблению типа *выпей молочко, скушай яичко*), хотя узуально-стилистический словарь, как видим, прямо противоположен по своим установкам нормативно-стилистическому.

Первоочередная задача — определение объема и содержания понятийно-терминологического аппарата, адекватно отражающего нужды узуально-стилистического словаря современной лексики русского языка, — может приблизить осуществление задач, связанных и со вторым направлением стилистической лексикографии — не столь уж фантастичным в «эпоху нетривиальных словарей». Речь пойдет о словаре прагматических стилизованных заданий и способах их вербализации. В таком словаре, предположим, содержанием статьи «Интимизирующие средства и приемы» явится перечень средств всех языковых уровней, способствующих интимизации общения, и приемов, формирующихся на основе этих средств в зависимости от функциональных разновидностей и жанров речи. Но это уже тема следующей статьи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рей А., Делесаль С. Проблемы и антиномии лексикографии. В кн.: Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIV. М., 1983, с. 264—265 и сл.
2. Филлмор Ч. Дж. Об организации семантической информации в словаре. — В кн.: Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIV, с. 23 и сл.
3. Шмелев Д. Н. Русский язык в его функциональных разновидностях. М., 1977.
4. Sechehaye A. L'école genevoise de linguistique générale. Berlin, 1927.
5. Словарь синонимов русского языка. Под ред. Евгеньевой А. П. т. II. Л., 1971.
6. Цейтлин Р. М. Краткий очерк истории русской лексикографии. М., 1958, с. 113, 117 и сл.
7. Ожегов С. И. О трех типах толковых словарей современного русского языка. — ВЯ, 1952, № 2.
8. Грот Я. К. Филологические разыскания. Т. II. СПб., 1899, с. 17.
9. Ментрун В. К проблеме лексикографического описания общенародного языка и профессиональных языков. — В кн.: Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIV, с. 302—303.
10. Остроумов А. О недостатках Толкового словаря. — Большевикская печать, 1937, № 4, с. 69—70.

¹³ Возможны пункты 9 и 10, отражающие специализированные экспрессивные задания формы, числа (*Мамочки мои, как я устал!*).